

Окончание

36. Летом 1978 года в Сухуми приехал Грэм Грин, чей роман «Человеческий фактор» об английском разведчике, бежавшем в Россию, был опубликован в Москве незадолго до его приезда в страну. За несколько дней до появления в Сухуми, в ходе интервью, данного московскому телевидению, Грин заметил, что не видит большой разницы между конклавом кардиналов и советским политбюро.

РЕНЕ КАЛАНДИЯ

В Москве, куда Грин прилетел из Франции, он встретился с хорошо знакомым ему Кимом Филби.

В Сухуми он остановился в гостинице «Рица» на изломе бульвара Руставели, против кафе и причала с катерами. С этой гостиницей была связана давняя романтическая традиция. В «Рице» часто останавливались Константин Симонов и Валентина Серова, которой он посвятил стихотворение «Жди меня».

Гостиница была недавно отреставрирована. Балкон, напоминавший о выступлении Троцкого в январе 1924 года, исчез. В ресторане с небольшой эстрадой появились новые живописные панно, написанные сухумскими художниками в постимпрессионистической манере. Часть тротуара перед гостиницей занята была кафе, затененным побегими виноградной лозы, обвивавшей ствол пальмы на краю тротуара.

Директором гостиницы стал высокий, полный и несколько меланхоличный уроженец Сухуми, руководивший до этого санаторием «Дом актера». Он был представителем того нового поколения людей, которые уважали и ценили власть до тех пор, пока она давала возможность зарабатывать деньги и защищала их право на заработки в нарождавшейся «банановой республике» со всем ее субтропическим, двусмысленно — средиземноморским распорядком жизни...

Такая деталь как Грин, остановившийся в гостинице «Рица», лишь доводила этот образ «банановой республики» до требуемой полноты...

Программа визитов Грина была тщательно спланирована. Во время встречи с руководством местного отделения Союза писателей Грин спросил, сколько всего писателей в Абхазии. Выслушав впечатляющую цифру, он заметил, что в Англии, по его мнению, едва ли наберется с десяток писателей.

— Восемь или, может быть, девять, — сказал Грин.

Он легко вписался в атмосферу сухумской набережной начала лета с еще не выгоревшими маркизами над свежевывыми окнами гостиницы. Похоже было, что ему нравилось прогу-

ГРЕЧЕСКИЙ
СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#198

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elshum@yahoo.com

ЗАБЫТЫЙ СЕБАСТОПОЛИС

ГОСТИНИЦА «РИЦА»

АВТОР СТАТЬИ: ИГОРЬ ГЕЛЬБАХ

ливаться по набережной во второй половине дня, сидеть в кафе и пить сухое вино, разглядывая фланирующих по набережной людей.

Возможно, думал я, Грин приехал в Сухуми, чтобы понять, как живет город, куда приезжает отдыхать его бывший коллега по работе в разведке.

Однажды, проходя по набережной, я увидел его на балконе номера на втором этаже гостиницы. Автор «Нашего человека в Гаване» разглядывал маленький причал, у которого швартовались катера, курсировавшие по маршруту «Город-пляж». В кафе у причала пили кофе местные «тонто-макуты» и их партийные покровители. К причалу подъехал катер на подводных крыльях с туристами из Гагры.

Возможно, Грин пытался представить себе обстоятельства и детали побега одного из своих героев из Турции в Сухуми... А, может быть, он планировал его побег в обратном направлении...

В тот день писатель напомнил мне старого стержватника в поисках сюжета и падали.

37. Жизнь в Сухуми делилась на два сезона, летний и зимний. Летняя жизнь напоминала театральные спектакли, потом подходила зима, и казалось, что зрители покидают театр, актеры переодеваются, стирают с лица грим и вновь ненавидят друг друга.

В период зимних дождей река Сухумка почти переполняла мутными, перемешанными с водой листьями канал, проложенный вдоль усаженной магнолиями и камфарным лавром улицы Энгельса, где в старом обшарпанном одноэтажном каменном доме с закрытыми ставнями жил наследник профессора Григолия, создателя абхазской курортологии.

Вахтанг Вахтангович, выпускник местного Пединститута, расположенного на соседней улице, преподавал историю в Художественном училище, в нескольких кварталах от дома, где он жил. Студенты именовали его высоким и стройным преподавателем истории с романтической внешностью «Штакеткой».

Улица, на которой стояло старинное здание училища, вела к морю и упиралась в причал, на котором располагался ресторан «Амра» с кофейней на втором этаже.

Народ в училище учился самый разный, много было молодежи из деревень, довольно дикой. Педагоги время от времени вытаскивали кое-кого из студентов в коридор на «разбор полетов».

Обширный одноэтажный дом со старой мебелью содержал немало оставшихся от предыдущих поколений раритетов, на которые неоднократно покушались воры и грабители, но Вахтанг Вахтангович, наследник и убежденный монархист, умел постоять за себя и всегда был вооружен...

— На милицию полагаться нечего, они — бандиты, — сказал он однажды, добавив с легкой усмешкой, — и вот когда боготворимый режим рухнет, тут такое начнется...

Иногда показывал он нам с Котляровым старые монеты, такие же старые сабли, пожелтевшие фотографии людей с иными лицами и другой осанкой.

Показывал он и старые фотографии Ново-Афонского монастыря, основанного русскими монахами с Афона поблизости от храма воздвигнутого византийцами в середине шестого века на месте захоронения одного из апостолов.

Его звали Симон из Каны Галилейской. Он пришел в Анакопию из Иудеи, через Каппадокию и Трапезунд с вестью о новой жизни. Его распилили заживо

на берегу горной реки Псырдзха в 55 году новой эры.

Берег реки усеян галькой, вода в реке зеленовато-серая и мутная. Река сбегает с гор и питается водами тающих ледников.

Мелькали выцветшие фотографии виноградников, оливковых и цитрусовых рощ на холмах, и парка с кипарисовыми аллеями.

Упомянул Вахтанг Вахтангович и об одной из первых в России гидроэлектростанций под десятиметровым водопадом. Вставив сигарету в длинный мундштук, хозяин дома рассказал, что в 1907 г. Николай II уравнил абхазцев в правах с остальными гражданами империи.

— Высочайший рескрипт был подписан в день рождения матери императора, — добавил он, пояснив, что вдовствовавшая императрица Мария Федоровна состояла вmorganатическом браке со светлейшим абхазским князем Георгием Шервашидзе.

Сообщил нам Вахтанг Вахтангович и о том, что император с императрицей избежали расстрела и прожили в Сухуми много лет...

Монастырь в Новом Афоне, куда будущий император Николай Второй приезжал вместе с отцом и матерью в 1888 году, был закрыт в 1924-м, оливковая роща вырублена, а виноградники разграблены.

Руководивший ликвидацией монастыря начальник Сухумской милиции того времени остался в памяти горожан. После одной из карательных экспедиций он проскакал по городу на коне, держа в руке пику. На окончание пики была отрубленная голова.

38. Как-то раз, в дождливый день Вахтанг Вахтангович угостил нас чачей. Чача была дымная, густая, закусывали мы подсохшим до легкой желтизны сыром и разогретым на печке лавашем. Сам хозяин сидел в кресле, протянув свои длинные ноги к огню.

— Рыбы у меня нет, — сказал он и, усмехнувшись, добавил, — да и лобно не предвидится...

Скорее всего, Вахтанг Вахтангович намекал на обстоятельства гибели вождя абхазских большевиков Нестора Лакоба. В конце декабря 1936 года Лакоба нашли мертвым наутро после обеда в доме у Берия, в Тбилиси. Обед начался после окончания спектакля в тбилисской Опере и затянулся допоздна. Лакоба остался ночевать в доме у гостеприимного хозяина.

— Чистые блатные, они его использовали, — говорил Вахтанг Вахтангович о взаимоотношениях Лакобы со Сталиным и Берией.

Составлявший отношения этой троицы клубок лжи и интриг, избыточный как субтропическая растительность, включал взаимные заверения в дружбе и преданности, сбор компромата и наушничество, инсценировки покушений, дарение пристрелянных пистолетов и тяжелое соперничество уроженцев Абхазии за внимание и доверие уроженца Гори.

39. Когда мне было лет девять, мы жили в ущелье между горой Трапезией и горой Бирица.

Моя мать работала в Горздравотделе. Мой отец работал в ту пору на литейном заводе. В механическом цеху было много станков и инструментов,

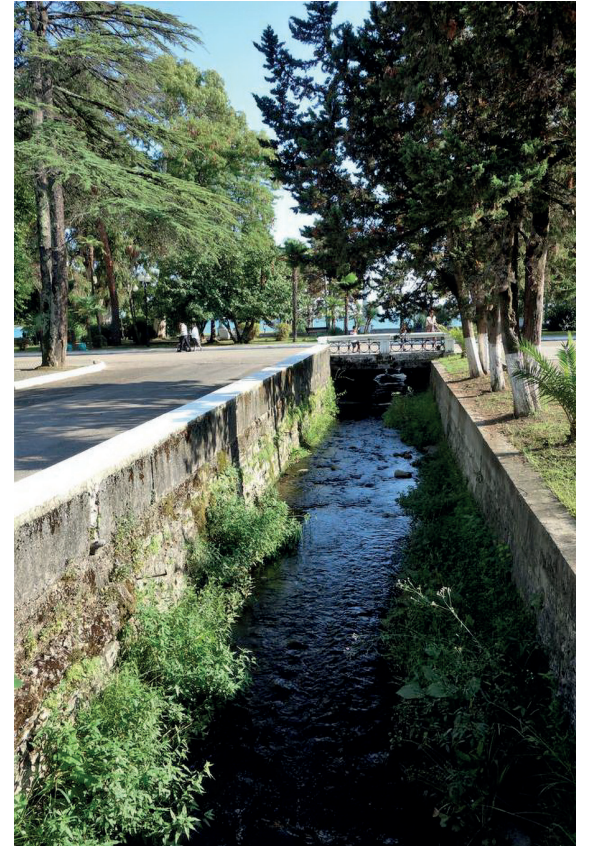
ВИД НОВО-АФОНСКОГО СИМОНО-КАНАНИТСКОГО МОНАСТЫРЯ С ЮЖНОЙ СТОРОНЫ

МОНАСТЫРЬ НОВЫЙ АФОН. ОБЩИЙ ВИД С МОРЯ

РУКОТОВОРНЫЙ ВОДОПАД В НОВОМ АФОНЕ ПОЯВИЛСЯ ПОСЛЕ ВОЗВЕДЕННОЙ В 1882 Г. МОНАХАМИ АРОЧНОЙ ПЛОТИНЫ НА РЕКЕ ПСЫРЦХА, КОТОРАЯ СТАЛА ЧАСТЬЮ ПЕРВОЙ В РОССИИ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ.

СУХУМИ. ИЗПИТ.
В ОБЕЗЬЯННОМ ПИТОМНИКЕ

РЕКА СУХУМКА

он с удовольствием показывал их мне. Он испытывал уважение к возможностям техники.

Дом, в котором мы жили, стоял на склоне Трапезии. Две небольшие комнатки находились на втором этаже дома, внизу располагалась кухня.

По утрам на нашей стороне ущелья было сыро, солнце появлялось на небе во второй половине дня. За домами на противоположной стороне улицы бежала к морю узкая речка Сухумка. Берега ее поросли ежевикой, волчьей ягодой и колючками. На дне ущелья шла к городу, постепенно обрастая домами, улица Александра Казбеги.

В доме против нас жила семья учительницы английского языка из грузинской школы. Муж ее сидел в тюрьме, и она давала уроки английского языка, (инглисури эна). Вместе со мной на уроках сидел ее сын, Шота. В разговоре он часто и с удовольствием использовал словосочетание «инглисурский шалопут», что, очевидно, означало «английский шалопай».

Наша соседка справа, женщина в черном, любила поговорить с мамой о родившейся в Варшаве красавице-киноактрисе, которую звали Нато Вачнадзе. В 1953 году самолет, на котором она летела из Москвы в Тбилиси, разбился в горах, во время грозы. Наша соседка предполагала, что к этому приложил свою руку Берия. Она была уверена в том, что Лаврентий, который безуспешно добивался благосклонности актрисы, отомстил ей.

НАТО ВАЧНАДЗЕ

Мой одноклассник жил в дальней, уходившей в сторону гор части улицы, в большом доме, защищенном от оползней подпорной стеной. В доме было много книг, там я впервые увидел толстый том «Витязя в ти-

гровой шкуре» с иллюстрациями Михая Зичи.

Я ходил в школу и по дороге клал длинные, большие гвозди на железнодорожное полотно. Колеса поезда должны были раздавить гвозди и превратить их в лезвие, которое следовало затем заточить, финки с наборными ручками из разного цвета органического стекла были в то время одним из главных объектов интереса и устремлений школьников. Как, впрочем, и карманные фонарики, батарейки, пощипывавшие язык, и взрывающиеся бутылки с карбидом.

Кроме того существовал свинец, который мы плавляли в жестяных банках и разливали по формам. Слова «кастет» и «людоеды» присутствовали во всех рассказах о послевоенном периоде. Непременной деталью рассказов о людоедстве были пирожки с детским пальчиком или хотя бы ноготком внутри.

Ребята постарше рассказывали о кастетах и о «марухах». Формуляры в школьной библиотеке пахли клейстером. Фамилия умершего одноклассника была Рыбоконь.

Осенью в заболоченном овраге перед зданием Дома правительства, через которое я шел в школу, охотились за перепелками. Их подманивали светом фонариков. Кто-то собирал перепелиные яйца.

Бамбук рос в нижнем дворе музыкального училища, за высокими воротами с вензелем из голубых металлических прутьев.

К верхнему двору, окаймленному белой балюстрадой, и стоявшему за клумбой с цветами зданию училища вели каменные ступени.

У меня был карманный нож, я вырезал пару молодых бамбуков на удочки, и однажды ранним утром в выходной день мы пошли с отцом на причал ловить рыбу.

По вечерам в домах горели керосиновые лампы. Зимой 1952-53 гг., по городу ходили слухи о том, что товарные вагоны уже стоят на путях, ожидая приказа о высылке евреев. За несколько лет до этого город уже прошел через высылку греков в Казахстан. Это было время, когда

на улицах часто можно было увидеть безногих инвалидов войны или бездомных людей. Нищета была вполне нормальным явлением.

У подножия расположенной по соседству горы Бирцха располагался парк, где росли сосны, кипарисы и кусты олеандра. Тут же присутствовали ложноклассические павильоны и гипсовые скульптуры. Каждое лето в парке, напитанном запахом хвои, появлялись пионеры в красных галстуках.

40. На плоской вершине Трапезии располагались строения обезьяньего питомника и вольеры с обезьянами. Оттуда порой доносились крики обезьян. В те годы попасть на территорию питомника было легко, каменная ограда была еще не построена. С плато на вершине горы открывался вид на залив. На поросших лесом и кустарником склонах горы было немало тропинок. Они вели в сосновую рощу, в близкое село и далее, в сторону снежных гор.

Тропинка к музучилищу проходила через заросли ольхи и мимозы. О приближении к училищу вначале сообщали голоса труб, затем становились слышны флейты, тромбоны и фаготы, и уже вблизи здания, на обращенном к морю склоне горы слышны были разыгрываемые на фортепиано гаммы и арпеджио, и, наконец, голоса вокалистов...

Я помню мраморные лестницы трехэтажного особняка, залитые солнцем балконы с балюстрадами, окна в резных деревянных рамках, кузнецовский фарфор в прохладных и просторных залах с черными роялями, и многочисленные фортепиано, пюпитры и венские стулья в узких белых классах.

Из окон и с балконов открывался вид на город и дугу залива. Внизу, перед особняком росли пальмы, тянулась к старой ограде бамбуковая аллея, позади здания, на склоне горы росла мимоза.

Здесь, на склоне горы, мир, казалось, обретал полноту.

На вершине горы Чернявского, именовавшейся в ту пору горой имени Сталина, строились па-

вильоны, переходы и ампириные лестницы, спускавшиеся к смотровым площадкам.

На склонах горы были высажены мексиканские агавы и китайские гингго...

Перестраивалось сгоревшее здание городского театра на набережной. Заложено было и монументальное белокаменное здание вокзала со шпилем и нелепой колоннадой.

Возможно, что все эти работы были связаны с планами создания на берегу Черного моря особого, подчиняющегося непосредственно Кремлю, черноморского Капри, откуда можно было бы управлять огромной империей.

Партийным руководителем края был в те времена тбилисский назначенец Акакий Мгеладзе. Он был жесток, требователен и часто приезжал на вокзал, где руководил облавами на проститутку, приезжавших в Сухуми на поезд дальнего следования.

Неподалеку, в центре города, перед недостроенным комплексом Дома правительства, лежало малярийное болото, куда осенними вечерами прилетали перепелки, а вдоль все еще многочисленных не вымощенных камнем улиц тянулись неосушенные, затянутые болотной ряской канавы...

Однако, вскоре после смерти Сталина идея священной окраины великой империи, связанной с ее сердцем узами крови и духа, отступила, обрела ауру музейного экспоната и смутного предания, а город стал постепенно превращаться в курорт, что-то вроде столицы советской Ривьеры, а вблизи Дома правительства раскинул свои серые шатры цирк-шапито...

41. Мой друг Менаш жил по соседству с Вахтангом Вахтанговичем, на соседней, тенистой и спокойной, посаженной камфарными деревьями и платанами улице Церетели. Улица спускалась к устью Беследки и приморскому парку. У дома росли обвитые ветвями глицинии тополя.

В студенческие годы я часто приходил к Менашу в летнюю пору. Я приезжал из Тбилиси, он приезжал на каникулы домой из Ленинграда. Менаш увле-

кался джазом, и мы проводили немало времени слушая радиопрограммы Уиллиса Кановера «Час джаза» на волне «Голоса Америки». Кроме того Менаш собрал замечательную коллекцию пластинок с джазовыми записями.

Иногда мы сидели на прохладных мраморных ступенях старинного двухэтажного дома по соседству.

В жаркие дни аромат камфарных деревьев пронизывал все вокруг. Окна на первом этаже соседнего дома затянуты были сеткой. Иногда за сеткой мелькал белый призрак. Седой, с высушенной, пергаментной кожей мужчина жил в этой комнате. То был один из сподвижников Берия, генерал Мамулов.

В 1953 году он был арестован и провел в заключении пятнадцать лет. Вернувшись домой, он никогда не выходил на улицу. Его сына, нашего сверстника, звали Лаврик. В начале 70-х годов, он погиб в автомобильной аварии на Севере, куда уехал на заработки.

В день похорон я побывал в этом доме в первый и в последний раз.

Двор за высокими железными воротами был огромный, с невыстриженной травой.

Второй сын генерала Мамулова учился когда-то в музучилище и умер от менингита.

В городе говорили, что смерть сыновей — кара, ниспосланная ему за грехи. На похороны собралась черная толпа, летели на асфальт красные гвоздики и розы...

После похорон несколько человек направились на набережную, с тем чтобы выпить кофе, а уж затем разойтись по домам.

Погода начала портиться, ветер с моря становился сильнее.

Вспомнились строчки:

И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит
к изголовью

С тех пор прошло около четырех десятилетий.

Империя, в которой мы жили, перестала существовать, а воспоминания о старом городе уходят постепенно, подобно опустившемуся на дно моря Севастополю...